

ЭТНОСЫ. ЭТНИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

И.А. Кажарова¹

*Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН*

СИСТЕМА ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ НОВОГО ОБЩЕСТВА В РАССКАЗЕ Х.Ц. КАУФОВА «ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ»

На материале рассказа адыгского писателя Х.Ц. Кауфова «Золотое время» отслеживаются попытки переосмысления классических моделей адыгского этикета и сращения их с новой моралью, инициированной социалистическими преобразованиями общества. Выбирая, согласно велениям времени, новую систему ценностей, писатель не идет по пути полного отрицания этнических традиций. Однако заявленные в тексте элементы этикетного поведения и способы их обрисовки позволяют судить о том, что попытки «модернизированного прочтения» этнических традиций по сути оказываются формализацией последних.

Ключевые слова: культура, литературные ряды, адыги, этикет, система ценностей, рассказ, корреляция, модель, герой.

I.A. Kazharova

*Institute for Humanitarian Studies
Kabardino-Balkarian Science Center of the Russian Academy of Sciences*

THE SYSTEM OF ETHNIC VALUES AND THE SYSTEM OF VALUES OF NEW SOCIETY IN THE STORY «GOLDEN TIME» BY H.TS. KAUF OV

Using the story of the Adyghe writer H.Ts. Kaufov «Golden Time» the author tries to rethink classical models of Adyghe etiquette and attempts to integrate them with a new morality initiated by the socialist transformation of

¹Инна Анатольевна Кажарова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик).

society. Choosing, according to the dictates of the times, a new system of values, the writer does not follow the path of total denial of ethnic traditions. However, the elements of behavior of etiquette, set forth in the text and ways of describing them, allow us to judge that attempts to «modernize the interpretation» of ethnic traditions are in fact their formalization.

Key words: culture, literary ranks, Circassians, etiquette, system of values, story, correlation, model, hero.

Присутствие в истории культуры так называемого «второго ряда» произведений и их авторов закономерно. Безусловно, облик культуры определяют ее вершинные творения, и, тем не менее, характерная для произведений «второго ряда» замкнутость проблематики, всевозможные стыки и неровности воплощения творческого замысла содействуют большей удобочитаемости стереотипов, ментальных установок, действовавших в период возникновения произведения. Как ни парадоксально, но именно неспособность произведения коррелировать с вечными вопросами дает дополнительную возможность подробно рассмотреть культурную «симптоматику» конкретного времени.

Конечно, определяющим условием для такого рассмотрения является ракурс, выбранный исследователем. Так, например, изучая российскую массовую литературу XX века, М.А. Черняк исходит из убеждения, что вне признания ее познавательного статуса вряд ли возможно полноценное осмысление социокультурных феноменов: «Сегодня очевидно, что внимание к произведениям «второго ряда» не только расширяет культурный горизонт, но радикально меняет оптику, ведь разнообразие массовой культуры – это разнообразие типов социальности. Проблема массовой литературы включается в широкий контекст социологии культуры и социологии литературы в частности» [Черняк, 2013, с. 7]. Мысль об ограничивающем эффекте узколитературоведческих критериев в оценке художественного текста проходит также через труды В.А. Доманского: «...психологическую пластичность человека в истории запечатлевают не только вершинные произведения, так называемые шедевры, но и произведения второго ряда, беллетристика, которая удовлетворяет самые разнообразные вкусы и потребности обыденного сознания, гибко реагирует на общественное настроение,

запросы, повседневные перипетии человеческого бытия. Именно такие произведения в значительной мере формируют стереотипы общественной и индивидуальной жизни» [Доманский, электронный ресурс,
<http://www.dc.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/%24file/clapp.html>].

Поддерживая идею более пристального внимания к литературе второго ряда, стоит все же признать, что наибольший интерес вызывают произведения отдаленных эпох, ретроспективное прочтение, которое дает возможность восстановления ценностной полноты прошедшего времени. Речь, конечно, не о потенциальной перестановке ценностных акцентов и вероятности перехода произведения из второстепенных в первостепенные, – равноуровневость и «ценностную неоднородность» (В. Хализев) литературы второго ряда мы, конечно, учитываем, но это предмет отдельного и долгого разговора. Здесь же мы выделяем для себя только то, что литература «второго ряда» – это некий мост, воспользовавшись которым можно будет подробнее рассмотреть не только художественную, но и экстралитературную реальность эпохи. Потому забытые авторы и их творения подогревают интерес к восстановлению утраченных звеньев ушедшей культуры, того, что осталось неувиденным, за каждым из них видится такая возможность.

Так имя Хажбата Цруевича Кауфова (1915–1969) вряд ли сегодня скажет о чем-либо специалистам в области национальной литературы, тем более не известно оно широкому кругу читателей¹.

¹ Единственное на сегодняшний день издание, в котором собраны сведения об этом человеке, – вышедшая в 2016 году «Энциклопедия кабардино-балкарской журналистики XX–XXI вв.». В ней Х.Ц. Кауфов отмечен как журналист, писатель и искусствовед. Представленные в «Энциклопедии...» сведения позволяют судить о том, что круг его творческих интересов был довольно широк, а положение, которое он занимал в культурном строительстве 1940–50-х гг. было довольно заметным. Выпускник Ленинградского Коммунистического политико-просветительского института имени Н.К. Крупской, – в те годы кузницы кадров для школ, библиотек и клубов, – в 1941 г. он направляется в

Что же касается художественных опытов Х.Ц. Кауфова, то след его в истории адыгской литературы практически неразличим. Забвению способствует идеологическая акцентированность его произведений, которая бросается в глаза даже при беглом ознакомлении с ними. «Идеологизированные произведения вытесняются на периферию читательского внимания и исследовательской практики, – в них видится дань времени, потому тематическая и художественная актуальность их уменьшается вслед за сменой эпохи» [Кажарова, 2011, с. 134], но даже если каким-либо образом абстрагироваться от идеологических акцентов, будет ясно, что Кауфов и не ставил перед собой задачи преодолеть границы своего времени. Сюжеты и типажи, их эмоциональное наполнение говорят о том, что писатель стремился создать достаточно простые для восприятия вещи, отвечающие запросам дня («Песня кабардинской молодежи»), близкие по жанровому характеру к фельетону («Таго-кареглазка», «Золотое время»).

Мы остановимся на рассказе «Золотое время», опубликованном в 1955 г. на страницах литературно-художественного альманаха «Кабарда». Наше внимание привлек не столько художественный строй, сколько культурологический аспект

Башкирскую АССР, где трудится в различных учреждениях культуры: «С 1945 г. – главный редактор, заместитель председателя Комитета радиодиффузии и радиодиффузии при СНК КАСССР, с 1946 г. – директор кабардинской оперной студии Ленинградской консерватории» [Энциклопедия кабардино-балкарской журналистики, 2016, с. 82]. Об уровне его теоретической подготовленности может свидетельствовать сотрудничество в Кабардинском научно-исследовательском институте, где он участвует в составлении сводного текста кабардинского эпоса «Нарты» (год издания – 1951). Имя Кауфова в этой связи упомянуто в статье известного адыгского поэта и ученого Б.И. Куашева «30 лет собирания и изучения кабардино-черкесского фольклора (1917–1957)» [Куашев, 1966, с. 145]. Из биографической справки о Х.Ц. Кауфове мы также узнаем, что определенный период его жизни был связан с редакторской работой на радио и литературной работой в газете «Кабардинская правда». О последнем свидетельствуют его отзывы на театральные постановки послевоенного десятилетия, которые можно обнаружить в подшивках «Кабардинской правды» за 40-е годы.

этого произведения. В свете ментальных преобразований общества, которые диктовались социалистической моралью, не могут не заинтересовать прежде всего заявленные в рассказе элементы этикетного поведения и способы их обрисовки автором.

Как свидетельствуют исторические источники и основанные на них труды современных этнологов, установки адыгской¹ этики и нормы ее практического выражения – адыгского этикета – складывались еще в период феодализма и на протяжении длительного времени менялись лишь незначительно. Но уже в начале советского периода, когда многие этносы проделывают «быстрый путь от социализма к феодализму» [Бгажноков, 1983, с. 132], возникает «синтез новой и традиционной культур», он «породил множество проблемных ситуаций, ситуаций выбора между традиционными и новыми стандартами поведения, в том числе коммуникативного» [там же]. Нормы этикета динамичны, иначе быть не может, ведь без определенной корректировки в условиях подвижного времени немислима их жизнеспособность, неосуществимо то, что на языке науки зовется «актуализацией традиционных форм культуры» (Б. Бгажноков). Динамичность эта той же меры и степени, что характеризует национальное самосознание как таковое: «...толкование национального самосознания должно исходить из отношения к нему как к процессу – противоречивому и дифференцированному, далеко немонолитному, несводимому к набору неизменно-неподвижных примет, но в то же время обладающему единством устойчиво-доминирующих признаков (язык, историческая память, культура, образ жизни, чувство принадлежности к нации и т.д.). Национальное самосознание обладает высокой степенью устойчивости в системе признаков нации как этносоциального образования, но, исходя из

¹ Адыги (черкесы) – самоназвание этноса, проживающего на территории Северного Кавказа, включающего в себя адыгейцев, кабардинцев, черкесов, шапсугов; разделенного на перечисленные группы в советские годы.

единства статических и динамических аспектов, необходимо помнить о том, что всякое нормативное толкование национального самосознания неизбежно утрачивает живую связь с предметом» [Султанов, 2001, с. 24].

Итак, вполне очевидно, что живая традиция – феномен подвижный, но надо также признать, что на ранних этапах становления советской культуры речь шла не столько о преобразовании традиций в соответствии с велениями времени, сколько об отсечении, отвержении многого из того, что составляло духовный базис национальной культуры. Потому модели поведения, которые репрезентировали в художественных текстах национальные авторы, можно рассматривать как предлагаемые ими образцы взаимодействия между традиционными и новыми стандартами культуры. Подобные образцы помогают, конечно, не только отследить «метания» писательского сознания между «своим» и «чужим» в культуре, но и соотносению происходивших в ушедшем времени трансформаций и того, что мы имеем сегодня.

События «Золотого времени» выстраиваются вокруг романтического эпизода свидания героев, молодых людей – Сергея и Лизаммы. «Ценностный ранг изображенного события и его носителя – героя» (...), взятый в строгой корреляции к рангу творящего и созерцающего» [Султанов, 2001, с. 35], можно выявить сразу. Ведь молодежь – привычная метафора будущего, а романтические чувства между людьми разных национальностей – событие в годы публикации рассказа хоть и не редкое, но вызывающее полярные оценки. Такое событие, оказавшись в центре произведения, машинально ставит акцент на вопросах этнического поведения, соотношения стереотипных и жизнеспособных элементов этнических традиций, их модернизации или полного отказа от них. Самый же наглядный способ их показа – через разницу в восприятии старшего поколения и молодежи, и Кауфов идет по этому пути.

Разумеется, автор, носитель адыгской ментальности, берясь за «щекотливый» сюжет, предлагал и собственное решение. Его герои – русский парень Сергей и кабардинка Лизамма, отстаивая свои чувства, отстаивают ценностные доминанты нового времени. Ведь неслучайно новое, прекрасное, многообещающее время – образ,

который изначально явлен на страницах рассказа. Он эмоционально окрашивает встречу влюбленных, укрывшихся от людских глаз: «Подобно звездам, густо усеявшим темно-синее небо, утопающий в зелени город мерцает светом электрических лампочек, из просторных окон белых многоэтажек льется свет, в этом свете поблескивает темная зелень деревьев, кроны, колеблемые легкими дуновениями ветра, словно исполняют танец: сдвигаются, расходятся – движения, полные благородства; гудки заводов и фабрик, музыка, песни и смех сливаясь, доносятся из города» [Кауфов, 1955, с. 113]¹.

Небольшой отрывок вмещает в себя целую градацию световых образов. Раскинувшийся под звездным небом город, оплот новой жизни, на разные лады сияет электрическими огнями и радостно устремляется к прогрессу (фабричные и заводские гудки сливаются со счастливыми голосами жителей). Через пейзаж автор хочет показать, что новое и вечное пребывают в гармонии – урбанистическая культура на фоне величественной красоты кавказского ландшафта: «В верхней части города, похожий на высокий лес, раскинулся большой парк, он ведет твой взгляд к гордо возносящимся надо всем шероховатым вершинам Кавказских гор, покрытых снегом; луна, королева ночи, в чьих светлых объятьях засыпает мир, шестует по краю неба, огненные звезды перешептываются, блистают в вышине» (с. 113). Золотисто-светящийся в ночи город символизирует новое общество, противоположное «темному прошлому», о котором будет упомянуто в конце повествования. В названии рассказа тот же «колорит» и тот же ценностный акцент – «Золотое время». То же в одобрительной реплике отца Лизаммы, Мажиды, подводящей итог всей истории: «... кто б мог подумать в темные времена, на которые пришлась наша молодость, что наши парни будут жениться на русских девушках, а мы будем выдавать своих дочерей за русских парней, и так вот жить, породнившись? В те времена такое и в голову бы никому не пришло,

¹Здесь и далее цитаты из художественного текста приводятся в нашем переводе. – *И.К.* В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию, номер страницы обозначается в круглых скобках после цитаты.

такое даже считалось харамом. В золотое время мы живем, Жамбот» (с. 122).

Конфликт поколений как столкновение двух систем ценностей – темного прошлого и светлого настоящего – выражен в рассказе скорее косвенно, чем прямо. Так, отец Лизаммы, сторож сельского правления, в одну из ночей подкарауливает засидевшуюся у реки парочку и с угрозами кидается на нарушителей морали. Те успевают скрыться, в потемках старику так и не удается их распознать. Наутро он с негодованием рассказывает о ночном происшествии супруге Сакрэт, даже не подозревая о том, что одна из преследуемых им «жертв» – его собственная дочь. Супруга же замечает, что лучше б ему не вмешиваться не в свое дело: «...ну скажи, что тебе до них, кто они тебе – твой сын, твоя дочь? Ты же не знаешь, адыги ли они, русские ли» (с. 118). Сакрэт более современна, более сдержанна в своих суждениях, однако то, что словесная перепалка родителей Лизаммы подается автором в комическом ключе, предопределяет отношение читателя к ценностям поколения, которое они представляют. Мажид – поборник строгой морали общества вне зависимости от национальной принадлежности его представителей: «И знаешь, старуха, кто бы это ни был – адыги ли, русские – мне есть дело до всех. Нэмыс надо чтить! Чтить!» (с. 118). Суровость наказания, которое настигло бы девушку, окажись это его дочь, тоже, судя по всему, согласуется с его представлениями о следовании нэмыс: «Если б, говоришь, это была моя дочь? А знаешь, что бы я с ней сделал? Двинул бы по тому месту, где у нее крепится голова, да и снес бы ее, оставалось бы только диву даваться – «была ли она, не было ли» – так и знай, снес бы ей голову!» (с. 118).

Нэмыс – понятие, занимающее одно из значимых мест в этике адыгов¹, – укрепляет категоричность Мажида. Особую степень

¹ «Термин “нэмыс” восходит к греческому *nomos* – “закон” и к производному от греческого арабскому “намус” со значением “честь”, “доброе имя”, “репутация”, “совесть”. На Кавказе, в Средней и Малой Азии это слово произносят с благоговением, как волшебное, обладающее большой нравственной силой. (...) В системе адыгской этики категория “нэмыс” занимает подобающее ей место. Это обозначение одной из пяти заповедей адыгства – почтительности и сумма соответствующих данной заповеди

значимости обретает эта категория, когда заходит речь об отношениях между мужчиной и женщиной и о принципах этикетного поведения женщины. В этом смысле история Сергея и Лизаммы представляет собой странный конгломерат принципов этнического поведения в их классической интерпретации и новой системы ценностей.

Комически обыграно знакомство героев. Согласно традиции, «классическая сцена выглядела так: девушка с кувшином идет за водой к роднику, навстречу ей едет джигит на лихом скакуне и просит напиток воды. В жизни получалось по-разному, но традиции при этом никогда не нарушались» [Казиев, электронный ресурс, [http://apsnyteka.org/554-](http://apsnyteka.org/554-povsednevnaia_zhizn_gortsev_severnogo_kavkaza_v_19_veke.html)

[povsednevnaia_zhizn_gortsev_severnogo_kavkaza_v_19_veke.html](http://apsnyteka.org/554-povsednevnaia_zhizn_gortsev_severnogo_kavkaza_v_19_veke.html)]. В неудачной попытке знакомства (Сергей, шутки ради, выплескивает воду из висящего на коромысле Лизаммы ведра: «Ничего лучше я не смог придумать. А ты тогда глянула на меня сердито, отругала, да и удалилась», с. 113) коррекция классической модели. Знакомство в рассказе происходит со второй попытки, когда Лизамма в следующий раз сама в шуточной форме просит наполнить ведро водой, а влюбленный «джигит» Сергей, спеша исполнить ее просьбу, нечаянно спотыкается и падает в реку.

В алгоритме их встреч – отклонения от классической модели, которой герои, судя по их беспокойству, все же пытаются придерживаться. Оба они опасаются людского любопытства и главное – подозрения со стороны родителей. Отказываясь от того, чтобы Сергей провожал ее, т.к. их могут увидеть, Лизамма нарочно ломает приборы, чтоб отец обращался Сергею с просьбами об их починке: «... сколько раз я ломала радио, повреждала электрические приборы, чтобы ты пришел в дом нашего отца» (с. 114). Согласно куртуазному кодексу, «...ухаживание не могло быть открытым и сопровождалось множеством условностей, которые необходимо было соблюсти (...) девушка не могла оставаться наедине с молодым человеком, не боясь осуждения» [Куртуазная сдержанность, или

свойств: вежливости, деликатности, скромности, послушания» – отмечает Б.Х. Бгажноков [Бгажноков, 1999, с. 42].

суровый кабардинский флирт, 2017, с. 12]. К сказанному стоит добавить, что еще в 60–70-х гг. минувшего столетия среди адыгов считались этикетно оправданными встречи юноши и девушки в компании своих друзей или молодых родственников одной из сторон, с тем чтобы избежать нежелательного внимания общества к зарождающимся чувствам: «Во время свидания парень и девушка не могли напрямую говорить о своих чувствах, поэтому использовали иносказание. Даже проводили своеобразные соревнования по красноречию. Часто это могло происходить в шуточной форме. Такой стиль позволял молодым людям лучше узнавать друг друга, высказывать некоторые критические замечания, не ущемляя чувства собственного достоинства, а также делать комплименты друг другу. В таком диалоге молодой человек должен был суметь объяснить свое отношение к девушке» [Куртуазная сдержанность, или суровый кабардинский флирт, 2017, с. 12].

Как подчеркивает Р. Мамхегова, обусловленные культурно-исторической «биографией» этноса, «правила поведения и взаимоотношений не давали особой раскованности, что побуждало к поискам этикетно оправданных и зачастую «непрямых» форм для раскрытия молодыми людьми взаимных чувств. (...) Поэтому у адыгов сложилась целая система тайных знаков, с помощью которых юноша и девушка могли даже в общественных местах высказывать друг другу свое отношение, не нарушая при этом строгого этикета» [Мамхегова, 1993, с. 89]. И потому довольно резким диссонансом к традиционным представлениям звучит в рассказе Кауфова прямое признание девушки в глубоких чувствах. Ведь «особо необходимыми для девушки считались женственность, скромность, послушание. Сдержанность в выражении чувств. (...) Согласно адыгскому этикету, женщина не могла себе позволить выбирать спутника жизни. Так же она не могла первой признаться парню в любви» [Мамхегова, 1993, с. 79].

Откровенные излияния чувств Лизаммы в представленную картину никак не вписываются. В диалоге с Сергеем доля ее высказываний и более открыта, и более развернута. К примеру: «...вспоминая все это, Лизамма продолжает говорить, и, вздыхая, все теснее прижимается к Сергею. – Я помню как сейчас, Сергей, как

вернулась домой и не могла уснуть до самого рассвета, все думала о тебе, все ворочалась без сна, вновь и вновь вспоминая твои слова. То было начало моей любви к тебе, но я боялась обманчивой любви, боялась, что твои слова окажутся ложью. Я прекрасно понимала, что могу очень крепко полюбить тебя, и старалась противостоять любви, которая подобно огню, охватила все мое тело, но что с того? – не справилась. Я стала тосковать о тебе, везде мне виделся ты, я слышала твой смех, видела твою улыбку, ты снился мне ночами...» (с. 114). В культуре, ставящей во главу угла сдержанность проявления чувств, подобные излишества, бесконечно далекие от какой-либо иносказательности, уместной в подобной ситуации для носительницы адыгского этикета, не могут не казаться грубым нарушением такового.

Любопытно, что понятия о национальной ментальности, традициях отмечены в представлениях Сергея, который напряженно рефлексировал по поводу того, что плохо знаком с адыгскими обычаями, а потому опасается повести себя опрометчиво: «Я знаю – твой отец хорошо ко мне относится, но я плохо знаю ваши традиции, вдруг поведу себя как-то неуместно и все испорчу. Скажи, Лизамма, как мне поступить?» (с. 115).

Изображая героиню, явно не вписывающуюся в традиционную систему ценностей, автор произведения акцентирует деталь ее внешности, являющуюся атрибутивной в адыгских представлениях о женской красоте – длинные косы. Неубедительная попытка сращения неэтикетной формы поведения и «этикетного» внешнего вида девушки происходит в кульминационный момент рассказа, когда полнотелый решимости Сергей приходит к родителям Лизаммы, чтобы сообщить им о своих намерениях: «Пока Маждил пытался сообразить, что лучше сделать или сказать в такой ситуации, распахнулась дверь спальни. И показавшаяся в них Лизамма, нарядно одетая, прекрасная как тхаухуд¹, с густыми косами, ниспадающими до самого пола, появилась перед взором отца, заняв место рядом с Сергеем» (с. 121). «Скромное», по оценке самого автора, поведение

¹Тхаухуд – фея, красавица (в адыгских сказках).

(« – Папа!.. – произнесла она негромко, скромно опустив голову, – прости, я люблю Сергея, мы любим друг друга, папа, не думаю, что ты желаешь нам несчастья», с. 121) может показаться спорным даже в условиях современных реалий адыгского этноса.

То, что намечалось как лобовое столкновение в споре отцов и детей, оборачивается в рассказе попыткой синтеза. Судя по всему, так называемое «мракобесие» Мажида наносное: « – Ты глянть, глянть-ка на этих юнцов! Что творят они, старуха!» (с. 120).

При очевидной идеологизированности его творчества, о чем мы говорили в начале, лобового столкновения двух систем ценностей Х.Ц. Кауфов не допускает. Мы видим лишь попытки сочленения и синтеза установлений национального этикета и прогрессивной, в понимании автора, морали нового общества. Характер их «сцепления» и, если можно так выразиться, архитектоника, которую мы наблюдаем в итоге, позволяют сегодня оценить их успешность или напротив, тщетность, отметить также нежизнеспособность определенных принципов этнической культуры. В таком случае, с позиции современности можно констатировать, что эти принципы действительно подверглись изменению, но вовсе не в том направлении, которое предполагал автор рассказа. Есть все основания говорить о том, что в рассказе Х.Ц. Кауфова «Золотое время» мы имеем не столько попытку художественного отражения прогрессивной модели взаимоотношения поколений, свободы выражения глубоких чувств, сколько поиск этой модели, ее конструирование. Сколь бы стремительно ни менялся социально-политический фон бытия адыгов, сколь бы ни менялись принципы межчеловеческих взаимоотношений, сегодня за ними все же продолжает настойчиво просвечивать классическая модель, ориентация на «то, как надо», «как должно быть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бгажноков, Б. Х. Адыгская этика / Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. – 96 с.

Бгажноков, Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов / Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 232 с.

Доманский, В. А. Культурологический подход к изучению литературы / В.А. Доманский. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dc.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/%24file/clapp.html> (12.04.2017).

Кажарова, И. А. Образы «новой действительности» в лирике Али Шогенцукова / И.А. Кажарова // Вопросы кавказской филологии. – 2011. – Вып. 8. – С 134-148.

Казиев, Ш. М. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке / Ш.М. Казиев, И.В. Киреев. – [Электронный ресурс]. – URL: http://apsnyteka.org/554-povsednevnaaya_zhizn_gortsev_severnogo_kavkaza_v_19_veke.html (01.07.2017).

Кауфов, Х. Ц. Золотое время / Х.Ц. Кауфов // Кабарда. – 1955. – Вып. 9. – С. 113-122.

Куртуазная сдержанность, или суровый кабардинский флирт // Горянка. – № 7 (912). – 15 февраля 2017 г.

Куашев, Б. И. Собрание сочинений. Том II / Б.И. Куашев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 203 с.

Мамхегова, Р. А. Очерки об адыгском этикете / Р.А. Мамхегова. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 141 с.

Султанов, К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы / К.К. Султанов. – Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 196 с.

Энциклопедия кабардино-балкарской журналистики XX – XXI вв. Краткий биографический справочник. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 190 с.

Черняк, М. А. Массовая литература XX века / М.А. Черняк. – Москва: ФЛИНТА, 2013. – 432 с.